

Вырезка из газеты

УЧИТЕЛЬСКАЯ
ГАЗЕТА

14 ФЕВ. 1980

г. Москва

Газета №

В 1877 ГОДУ в «Отечественных записках» появился рассказ «Четыре дня» неизвестного до тех пор писателя Вс. Гаршина. Рассказ сразу же привлек внимание читателей своим реализмом, подлинностью описываемых событий, болью автора за раненого солдата, забытого на поле брани рядом с убитым им турком. Этот рассказ возвестил русским читателям о появлении нового незаурядного таланта.

Обостренная чувствительность ко всякого рода неправде, боли и страданиям, ощущение личной ответственности за все чинимое в мире зло, нервная страстность и напряженность в сочетании с внешней сдержанностью и точностью наблюдения и мысли, предельная сжатость изложения и яркость видения — вот черты, придающие неповторимость писательскому облику В. М. Гаршина. Ему суждено было вместе с В. Г. Короленко и А. П. Чеховым наметить новые пути в развитии русского реализма.

Обращение к материалам Государственного литературного музея поможет нам воссоздать оптимистический в своем трагизме и одновременно полный привлекательности образ этого замечательного русского писателя.

Бережно хранится в музее скромно изданный маленький томик: Всеволод Гаршин. Рассказы. СПб, 1882. На титульном листе — автограф писателя. Эта редкая книга — первое издание рассказов Гаршина, по поводу которого И. С. Тургенев писал автору 3 сентября 1882 года: «...из всех наших молодых писателей Вы тот, который возбуждает большие надежды. У Вас есть все признаки настоящего, крупного таланта: художнический темперамент, тонкое и верное понимание характерных черт жизни — человеческой и общей, чувство правды и меры, простота и красота формы — и, как результат всего, — оригинальность».

С первого появления Гаршина в литературе Тургенев обратил на него внимание как на «неомысленный и оригинальный талант», отводя ему первое место между начинающими молодыми писателями, и даже сам вступил с ним в переписку в 1880 году.

«Каждый стареющий писатель, искренне любящий свое дело, радуется, когда он открывает себе наследников: Вы из их числа», — пишет он в первом письме начинающему писателю.

Однако случилось так, что, несмотря на горячее участие Тургенева в судьбе Гаршина, их личное знакомство так и не состоялось. Через три года после начала переписки Тургенева с Гаршиным Петербург хоронил старого писателя. Гаршин посвятил памяти Тургенева свой шедевр «Красный цветок», о котором так хорошо сказал В. Г.

Короленко: «...в этой жемчужине Гаршинского творчества русская литература получила яркий символ, воплощающий трагедию человеческого духа... Мы предполагаем, что всем русским читателям знакома эта история бедного безумца, воображающего, что он погибнет в борьбе со злом всего мира. С грустной улыбкой автор говорит нам: это был только красивый цветок, простой цветок красного мака. Значит иллюзия. Но около этой иллюзии развернулась в страшном сгущенном виде вся душевная драма самоотвержения и героизма, в которой так ярко проявляется вся красота человеческого духа...».

Шесть писем Тургенева к Гаршину были впервые напечатаны в литературно-художественном сборнике «Памяти В. Гаршина», вышедшем в 1889 году, через год после его трагической смерти. Туда вошли все, какие только удалось собрать, материалы и воспоминания для характеристики Гаршина как писателя и человека. Средства от продажи этого сборника должны были увековечить память писателя учреждением народной школы его имени.

Сборник иллюстрирован рисунками передвижников (Гаршин был их горячим почитателем). Такие художники, как В. Д. Поленов, Н. А. Ярошенко, К. А. Савицкий, дали эскизы своих картин, особенно любимым писателем — «Христом и грешница», «На войну», «Кочегар».

Картина Н. А. Ярошенко «Кочегар», как предполагают, послужила Гаршину непосредственным толчком к написанию рассказа «Художники». В страстном обращении героя рассказа Рябинина к изображенному им «глухарю» (рабочему-котельщику) звучит творческое кредо самого писателя: «Я вызвал тебя... из душного темного котла, чтобы ты ужаснул своим видом эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу. Приди, силой моей власти прикованный к полотну, смотри с невозможной в эти фразы, крики им: я — язва распускающая! Ударь их в сердце, лиши их сна, встань перед их глазами

К 125-летию со дня рождения
В. М. ГАРШИНА

«...САМЫМ ЖГУЧИМ ЧУВСТВОМ...»

призраком! Убей их спокойствие, как ты убил мое...».

К этому рассказу И. Е. Репин поместил в сборнике рисунок, придав лицам персонажей, одному — свои собственные черты, другому — черты Гаршина.

Кроме этого интересного и ценного издания в Литературном музее бережно хранится еще один сборник, вышедший в том же 1889 году под названием «Красный цветок». Обложка к этому сборнику сделана И. Е. Репиным. На первой странице он изобразил огромный кроваво-красный мак — как бы символ гаршинской жизни. На задней стороне — ночной звездный пейзаж и свиток, обвитый тернием и красным маком, на котором автографически воспроизведены строки из «Красного цветка»: «Звезды ласково мигали лучами, проникавшими до самого его сердца. Я иду к вам, прошептал он, глядя на небо...».

Сам В. М. Гаршин смолodu, еще с первой половины 70-х годов, интересовался живописью. По свидетельству художника М. Е. Малышева, кончив гимназию и поступив в Горный институт, Гаршин сблизился с кружком молодых художников и стал непререкаемым членом их сборищ.

На одной из фотографий 1878 года из коллекции музея мы видим писателя в группе художников. Внизу автографы изображенных на снимке.

Уже тогда началась дружба Гаршина с Репиным, и началась она далеко не случайно. Каждый из художников — кисти и пера — был для другого ярким выразителем эпохи в своей области. Об этом говорят письма друг к другу, к друзьям, бережно хранящиеся в музее. А началось знакомство Гаршина с Репиным во второй половине 1882 года, когда Илья Ефимович писал свои знаменитые полотна «Не ждали» и «Иван Грозный». А Гаршин работал над «Красным цветком». «В характере Гаршина, — вспоминает художник, — главным чертою было — «не от мира сего» — нечто ангельское. Добрейшая, деликатнейшая на-

тура; все переносила на себе в пользу мирных добрых отношений. С первого же знакомства с ним я затеплился особенной нежностью к нему».

Гаршин платил Репину такой же нежной привязанностью и восхищением пред его дарованием.

С первого же взгляда на писателя художнику захотелось писать его портрет. И Илья Ефимович осуществил свой замысел.

На большом портрете, сделанном художником, все внимание приковано к глазам, полным внутренней боли, тревоги и тоски. Работая над этим портретом, Репин одновременно спешил сделать с Гаршина этюд, с которого он писал царевича Ивана для картины «Иван Грозный».

Спустя много лет на вопрос, почему он выбрал в натурщики именно Гаршина, художник отвечал: «Задумав картину, я всегда искал в жизни таких людей, у которых в фигуре, в чертах лица, выражалось бы то, что мне нужно для моей картины. В лице Гаршина меня поразила обреченность: у него было лицо человека, обреченного погнубить. Это было то, что нужно мне было для моего царевича».

Знакомые художники считали Всеволода Михайловича идеальным зрителем и ценителем живописи и всячески поощряли его писать статьи по художественной критике.

Как точно сказал Глеб Успенский, имея в виду маленькие рассказы и сказки писателя, «положительно исчерпано все содержание нашей жизни, в условиях которой пришлось жить и Гаршину, и всем его читателям. Именно все, что давала уму и сердцу наша жизнь, все до последней черты пережито и прочувствовано им самым жгучим чувством».

Г. МЕДИНЦЕВА,
старший научный сотрудник
Государственного литературного музея.

НА СНИМКЕ: «Портрет В. М. Гаршина» художника И. Е. Репина.